

ПРОЛОГ

Пятнадцатилетняя Ева стала одной из первых девушек, выбранных для операции. Большинству других либо удалось скрыться, либо их родители подали иски в суд. Но родители Евы были простыми людьми, без образования и связей. Они понятия не имели об опасности, грозившей их дочери, и даже если бы они были в курсе происходящего, их скромные доходы не позволяли им нанять хорошего адвоката.

Для властей Ева была легкой добычей. Им нужен был пример. Первая жертва, призванная развеять все надежды на сопротивление и открыть путь к принятию обществом идеи хирургического вмешательства. Холодным утром, в шесть часов, в их дом постучалась полиция. Родители Евы осознали всю серьезность ситуации, только когда увидели у своих дверей шестерых офицеров в устрашающей форме спецназа и по бокам двух роботов-стражей, вооруженных лазерными пушками. Как только родители Евы поняли, что происходит, они начали сопротивляться. Отец Евы в ярости громко закричал на офицеров: «Чертовы монстры! Вы не получите мою дочь!»

Мать Евы, беспомощно всхлипывая и пытаясь защитить дочь, стала размахивать маленьким кухонным ножом, слегка оцарапав одного из офицеров. Полиция схватила Еву и ее родителей.

Их соседи, встревоженные отчаянными криками, поспешили заснять эту сцену, и их устройства начали в прямом эфире транслировать происходящее. В течение нескольких часов улицы заполнились протестующими, которые скандировали: «Свободу Еве!» Даже те, кто прежде поддерживал ДВС, как теперь

называли Движение за визуальную справедливость, начали дистанцироваться от него. Две молодые женщины, бывшие в числе основателей Движения, сейчас шли в первом ряду демонстрации за освобождение Евы.

Власти оставались непреклонными. В то самое время, когда на улицах бушевали протесты, Ева лежала на операционном столе в охраняемой тюремной больнице. Холодный стерильный воздух, пропитанный тяжелым запахом дезинфицирующих средств и лекарств, казалось, сомкнулся вокруг нее. Женщина-хирург — безликая фигура, лицо закрыто хирургической маской, так что видны только узкие глаза, — посмотрела вниз, сфокусировав взгляд на Еве, которая до этого момента всегда чувствовала себя защищенной в присутствии взрослых. Но сейчас она ощутила себя совершенно незащищенной. Ева, пристегнутая к кровати, издала пронзительный крик и забилась в отчаянии. Она увидела, как врач неодобрительно покачала головой, затем почувствовала укол иглы, погрузивший ее в глубокое небытие.

Когда Ева пришла в себя, ей потребовалось время, чтобы собраться с мыслями. Неужели все это было лишь ночным кошмаром? Но пульсирующая боль в лице не оставляла сомнений. Первые два дня она не могла заставить себя посмотреть в зеркало, потом наконец набралась смелости.

Ева держала зеркало дрожащими руками, не решаясь взглянуть на свое лицо. Затем пересилила себя... И ее накрыла волна ужаса — нет, это не привиделось ей в ночных кошмарах, ее втянули в нечто такое, что поначалу не вызывало опасений, казалось чем-то таким... обыденным. Тогда никто не мог даже вообразить, чем все это закончится.

ЗА ПОЛТОРА ГОДА ДО ЭТОГО

Даксон услышал тихий гул лифта, ведущего прямо к его квартире. Затем последовал еле слышный звук открываемой двери. Он с трудом привстал с удобного мягкого дивана. Взмахом руки свернул голограмму с трансляцией вечерних «Новостей Вселенной». Быстрый взгляд на встроенные в голограмму часы подтвердил, что Алекса опять опоздала, на этот раз на целых полчаса. Даксон, ценивший пунктуальность, нахмурился. Он надеялся, что она хотя бы объяснит, что произошло, ведь они планировали пойти поужинать. Возможно, после занятий она разговорилась с одним из преподавателей или задержалась, работая над проектом с другими студентами. Или, может быть, очередь на аэротакси была длиннее обычного.

Какова бы ни была причина, его девушка явно не хотела говорить о ней. Только короткое: «Извини, кое-что произошло» — сорвалось с ее губ. Она прошла мимо него, даже не поцеловав, и направилась в свою комнату без малейшего следа улыбки на лице и привычного теплого выражения глаз. Хотя у Алексы была собственная квартира, она практически переехала к Даксону. Он давно дал ей код, открывающий двери его пентхауса, и, учитывая то время, которое она здесь проводила, было вполне естественно отвести ей отдельную комнату.

Даксон не слишком хорошо владел искусством понимать людей по выражению их лиц, к тому же он частенько не смотрел на человека, разговаривая с ним. Не потому, что был не уверен в себе, а потому, что

обычно его ум был занят другими вещами. Обычно он не замечал даже изменения интонации собеседника. Однако на этот раз он понял — происходит что-то не то. Алекса сердится на него? Он сделал что-то не так?

Даксон безуспешно пытался разобраться в ситуации.

Со своего места на диване он произнес: «Новости, продолжайте» — в сторону консоли управления умным домом. Новостная голограмма развернулась и снова ожила: «...бывшая пустыня Сахара стала крупнейшим производителем продовольствия на Земле... захватывающие кадры гигантского извержения вулкана на спутнике Юпитера Ио... на астероиде Психея началась добыча ценного минерального сырья...»

На этой новости Даксон резким жестом в сторону консоли поставил трехмерную картинку на паузу, поднялся и направился в комнату Алексы. Двери раздвинулись. Алекса лежала на кровати, уставившись в потолок. Казалось, она была полностью поглощена созерцанием пустынного марсианского пейзажа, покрытого медленно проплывавшей мимо рыжей пылью. Даксон присел на край кровати.

— Что-то не так? Ты сердишься на меня?

— Нет-нет, все хорошо, — заверила его девушка, но это «хорошо» прозвучало так, как будто на самом деле все было совсем не хорошо.

Повисла тишина. Даксон понимал, что лучше не пытаться получить ответы на свои вопросы прямо сейчас. Алекса не любила, когда на нее давили, и в таких ситуациях ей просто нужно больше времени. Судя по тому, что она позволила взять себя за руку, стало ясно, что причиной ее плохого настроения был явно не он. Помолчав пару минут, она повернулась, взглянула на него и спросила:

— Считаешь ли ты, что моя внешность дает мне незаслуженные привилегии?

Алекса была прекрасна. У нее были светлые волосы, которые сияли, ниспадая на плечи, безупречная кожа, фигура, которая могла привидеться во сне, изящный овал лица. Широко посаженные зеленые глаза, казалось, светились. Особенно привлекательными были ее ровные и густые брови и маленький изящный нос, иногда ее даже спрашивали, настоящий у нее нос или она сделала пластическую операцию. Но кроме незначительной коррекции бровей, Алекса никогда ничего не делала с собой. Еще в школе она без всяких усилий со своей стороны привлекала внимание всех мальчиков в классе. Ее красота была настолько завораживающей, что многие мужчины не осмеливались приблизиться к ней.

— Привилегии? — удивился Даксон. — Я не понимаю.

— А, неважно, я просто спросила. Мы ведь собирались сегодня вечером куда-то пойти, правда? Во вьетнамский ресторан?

Даксон был ошеломлен резкой переменой ее настроения, но быстро согласился. Да, таковы были их планы на вечер. Кроме того, он сильно проголодался, не в последнюю очередь потому, что Алекса пришла так поздно. К счастью, их любимый вьетнамский ресторан находился всего в десяти минутах от дома.

Шел сильный дождь, воздух пах мокрым асфальтом. Даксон и Алекса не стали ждать аэротакси — обычно в такую ужасную погоду число заказов намного превышало количество свободных машин. Они пошли пешком, под проливным дождем и при ураганном ветре, так что под своими зонтами все равно промокли до нитки. Наконец они дошли до ресто-

рана, который приветствовал их соблазнительными ароматами специй и жареных овощей.

— Надеюсь, мы не испортим им обивку, — сказал Даксон, просто чтобы поддержать разговор. Они сели за свой обычный столик в окружении экзотических пышных растений в изысканных горшках, фонарей причудливой формы и ярких фресок с видами тропического рая. Алекса внешне была совершенно спокойна, но Даксон понимал, что под этим спокойствием все еще прячется какая-то сильная эмоция.

Когда робот-официант поставил на столик закуску (салат из помело), Алекса выпрямилась и заговорила. Поначалу тихо и неуверенно, но с каждым следующим словом — все более и более напористо.

— Сегодня... в университете... у нас был семинар по изучению предрассудков... и у меня возник небольшой спор с Леной. Я всегда была совершенно уверена, что она меня терпеть не может...

Лена изучала историю и культурологию. Она была из профессорской семьи, ее родители читали лекции в университете, мать — по химии, отец — по истории искусств. Оба пользовались на своих факультетах большим авторитетом, и по крайней мере то один, то другая всегда были членами совета университета. Даксон однажды видел Лену Эббот-Колдуэлл. В ней явственно ощущалась какая-то озлобленность, а в выражении лица было что-то фанатичное. Тонкие губы постоянно поджаты, как бы в знак неодобрения.

— И что произошло?

Даксон действительно хотел это узнать. Он раскачивался на стуле — одна из его многочисленных привычек, из-за которых он порой напоминал Алексе ребенка, но которые его самого ничуть не смущали. В компании друзей она всегда тихонько толкала его

ногой под столом, чтобы он так не делал. Однако сейчас они были одни.

Алекса умоляюще посмотрела на него.

— Она наехала на меня из-за моей внешности. Прямо на семинаре, перед всеми ребятами.

— Из-за твоей внешности?! Что ты имеешь в виду? Что именно она сказала?

— Ну, мы обсуждали привилегии и то, как люди с ними справляются. Знаешь, люди из богатых семей. Или мужчины, которым живется легче, чем женщинам...

Даксон хотел было возразить, но благоразумно воздержался.

— Или белые люди, которым иногда приходится легче, чем черным...

Тут Даксон задался было вопросом, а согласился бы с этим его приятель по спорту, камерунец Ив, но опять промолчал.

— А затем Лена вдруг сказала: «Алекса, ничего личного. Но задумывалась ли ты когда-нибудь о своих незаслуженных привилегиях? И вообще — о визуальной справедливости?» Я не поняла, о чем она говорит, и переспросила: «О визуальной справедливости?» И она ответила: «Ну, у тебя ведь есть очевидные привилегии — это то, как ты выглядишь. Ты никогда не думала о том, какое воздействие это может оказывать? О том, что это может огорчать других людей, даже если у тебя нет намерения их огорчить? О том, что твоя жизнь всегда была легкой? О том, что ты можешь встречаться с такими мужчинами, о которых большинство женщин и мечтать не смеет? Что тебе никогда не придется испытывать одиночество? Что к тебе всегда будет особое отношение — и в университете, и на работе? И что ты, будучи женщиной — воплощением иде-

альных представлений общества о красоте, — продолжаешь пользоваться своими привилегиями, несмотря на то что эти стандарты красоты давным-давно опровергнуты наукой? Ты что, никогда не слышала о бонусе красоты?» — И разумеется, все тут же усталились на меня! — воскликнула Алекса.

Она умолкла. Алекса знала, что выглядит очень привлекательно, хотя иногда испытывала уколы неуверенности в себе. Так ли совершенна ее грудь, как о том говорят мужчины, или это просто лесть? В юности она посетила множество тренингов на тему позитивного восприятия тела. Ее научили не судить о людях по их росту, весу или фигуре. Однако был один вопрос, который не давал ей покоя. Почему преподавательница, которая читала им лекции, доктор Делюзион, разглазья о том, что буквально все формы и типы сложения человеческого тела красивы, не упускала случая сообщить своим студентам в понедельник утром, что за уикенд она сбросила полкило, а то и целый килограмм?

Затем Алекса сказала, что выпад Лены лишил ее дара речи, и она не знала, как на него реагировать. Ее приятель-однокурсник Итэн, иногда помогавший Алексе с написанием эссе, бросился на ее защиту. Это был весьма умный парень, у которого любая «политкорректность» вызывала настоящую аллергию. Годы занятий бодибилдингом обеспечили его отличной фигурой, правда с прекрасно вылепленным телом не сочеталось не слишком привлекательное (скорее всего, из-за крупного носа) лицо. Алекса восхищалась Итэном. В отличие от нее он был находчивым и буквально излучал уверенность в себе. «Ради всего святого, Лена! О чем ты говоришь?! — возмутился Итэн. — Визуальная справедливость? Это абсурд. Что Алекса может поделать с тем, что она так привлекательна?»

«Это ровно то, о чем я говорю, — резко сказала Лена, повысив голос. — Она *ничего* не может с этим поделать, но она все же пользуется своими незаслуженными привилегиями — точно так же, как избалованные дети богатых родителей, родившиеся с серебряной ложечкой во рту и знающие, что однажды унаследуют папочкину компанию. Мы не можем обсуждать здесь, на семинаре по предрассудкам, предрассудки и привилегии, игнорируя визуальную справедливость. Ты это понимаешь? Алекса — это всего лишь пример».

Даксон слушал рассказ Алексы молча, лишь время от времени качая головой. На самом деле он не знал, что сказать. Он хорошо понимал Алексу и был в курсе, что иногда она принимала какие-то вещи слишком близко к сердцу, особенно критику. Он сделал глубокий вдох.

— Это все полнейший абсурд. Лена потеряла рассудок. Наверное, она прочитала очередную книгу из серии «Никто не лучше. Радикальный манифест посредственностей» и назначила себя посланником истины. Или, возможно, это было «Равенство для всех. Почему никто не должен веселиться больше, чем ты». Забудь о ней. Мы же не хотим позволить такому ничтожеству, как она, испортить наш вечер.

Даксон понимал, что Алекса все еще переживает случившееся.

— Идем завтра на фитнес? — спросил он, стараясь отвлечь ее.

Алекса ответила:

— Не знаю. Давай решим завтра, хорошо?

Алексе часто требовалось некоторое время, чтобы разобраться в том, чего она хочет. Только в одном она не сомневалась с самого раннего детства — в том, что не сможет довольствоваться обыденным сущест-

ванием. Она жаждала необычайной жизни и ни за что не хотела попасть в ловушку чего-то вроде монотонной работы с ее удушающей рутинной.

Мало-помалу в ее сознании оформилось конкретное стремление: она захотела участвовать в создании первого города на Марсе, в великом преобразовании, способном превратить Красную планету в пригодный для жизни форпост человечества. Алекса решила, что будет изучать или терраформинг, или марсоведение — обе дисциплины появились около двадцати лет назад. Но, разумеется, она была далеко не единственной, кто лелеял такую мечту, так что из-за высокого конкурса попасть в университет на соответствующую специальность было почти невозможно.

Со школьных лет Алекса не пропускала ни одного документального фильма о Марсе. Когда ей было восемнадцать, она стояла в огромной толпе на Тайм-сквер в Нью-Йорке, глядя на экран, где в прямом эфире показывали, как 20 февраля 2070 года на Марс высаживается десятитысячный человек, — через сто лет и семь месяцев после того, как первый человек ступил на поверхность Луны. Это было достижением, которое еще пятьдесят лет назад никто не мог вообразить себе, за исключением, возможно, Илона Маска, именно тогда провозгласившего свою цель — переселение на Марс миллиона человек. Открытие запасов редких видов сырья, а также материалов, не встречающихся ни на Земле, ни на Луне, сделало Марс целью устремлений множества частных компаний. В проект колонизации Марса начали вкладываться гигантские суммы.

Прямая трансляция «Десятитысячный человек на Марсе» стала самой потрясающей из всех, что когда-либо видел мир, обойдя по рейтингу даже трансляции

спортивных соревнований на Красной планете, приводившие зрителей в восторг. Алексе особенно нравились баскетбол, поскольку игроки могли прыгать в два раза выше, чем баскетболисты на Земле, а если бы во время перелета с Земли мышцы бы так не слабели (несмотря на регулярные и интенсивные тренировки), — то и в три. Это потому, что сила гравитации на Марсе составляет треть от земной. Фигуристы из-за этого благодаря более слабому давлению воздуха совершали захватывающие дух прыжки и выполняли элементы, невозможные на Земле. Молодая фигуристка из Нигерии, шестнадцатилетняя красавица Суне Туре стала мировой знаменитостью и топ-моделью после своего сенсационного достижения — она выполнила риттбергер с вращением в двенадцать оборотов. Прямая трансляция прервалась на рекламу — на этот раз рекламировали марсианский туризм и алмазы, добываемые на Красной планете. Показывали также марсианскую гору Олимп — самую высокую гору планеты и всей Солнечной системы, высотой 26 километров, в три раза выше Эвереста. Этот погасший вулкан больше походил не на гору, а на плато, поскольку выглядел как полого поднимающаяся равнина с плоской вершиной в форме усеченного конуса.

С тех пор Алекса мечтала, что когда-нибудь она будет жить на Марсе, вместе с другими первопроходцами помогая формировать новый мир. Она даже дала себе слово письменно фиксировать свою мечту, чтобы буквально запрограммировать подсознание на ее достижение. В канун каждого Нового года она брала ручку и записывала свои цели в «Альбоме мечты», непоколебимо веря, что тем самым они лучше запечатлеются в ее сознании. И рано или поздно обязательно будут достигнуты.

Ее комната была заполнена видами Марса. Она находила их прекрасными, несмотря на отсутствие зелени и воды. И еще она помнит, как несколько лет назад ее подруга Зорайя, которая была старше ее на несколько лет и уже училась в одном из лучших университетов по специальности «добыча полезных ископаемых на астероидах», объяснила ей концепцию терраформинга. Эта концепция совершенно завороживала Алексу.

— Терраформинг, — говорила Зорайя, — это процесс преобразования планеты, с тем чтобы сделать ее пригодной для жизни людей. Представь, что ты хочешь превратить Марс во вторую Землю, чтобы люди смогли там жить. Не в пещерах и не в герметичных жилых корпусах, подобных тем, что существуют уже сегодня, а в обычных поселениях и городах. Для этого понадобится изменить атмосферу и обеспечить наличие воды и такую температуру, которая соответствовала бы земным условиям. Но трудности на пути к этой цели поистине колоссальны, потому что атмосферный слой Марса слишком тонок и здесь нет океанов.

— Как это все должно работать? — спросила Алекса. — Это, конечно же, невозможно?

Зорайя покачала головой.

— Люди раньше так и думали. Но теперь, когда мы открыли способ нагрева Марса с помощью наночастиц, терраформинг, похоже, будет действовать намного быстрее, чем мы могли вообразить.

— Прости, для меня это не более ясно, чем марсианская пыль.

— Попробую объяснить. Терраформинг с помощью наночастиц использует крошечные частицы вещества для того, чтобы запустить специфические химические реакции. Эти реакции могут связывать

парниковые газы, высвободить кислород и преобразовывать атмосферу планеты, температуру и плодородие почвы. В настоящее время уже идут практические испытания. В университете есть даже отдельная специальность.

Тем вечером Алекса рассказала Даксону, что хочет помочь делу обеспечения гарантированного выживания человечества. «Столкновение нашей планеты с очередным астероидом — это лишь вопрос времени. Это неизбежно произойдет. Через тысячу лет, через сто тысяч лет, мы просто не знаем когда. А может быть, это случится намного раньше? Сейчас на Марсе у нас есть два маленьких города, но они не смогут выжить без поддержки с Земли. Если мы хотим обеспечить выживание человечества независимо от того, что случится с Землей, то на Марсе должны жить миллионы. И во имя будущих поколений мечта о терраформинге должна стать реальностью».

Несмотря на все ее надежды, Алекса не получила места на университетском курсе по специальности, ставшей предметом ее мечты. Однако она не позволила досаде и раздражению управлять ее поступками, а поступила на исторический факультет. Ее всегда интересовало прошлое, просто не в той мере, в какой ее занимали картины человечества, колонизирующего Марс. Упорство Алексы поразило Даксона. Ей было двадцать три, Даксону сорок четыре. Он был успешным риелтором, сделавшим себе имя в этом бизнесе и несколько лет назад ставшим соучредителем уважаемой и весьма прибыльной компании. Временами Алекса и Даксон мечтали о великом приключении — покинуть Землю и начать все с чистого листа на Марсе. Даксон считал, что для его бизнеса там открываются безграничные возможности — он сможет

продавать нетерпеливым инвесторам и спекулянтам участки в перспективных местах Красной планеты.

Как только на Марсе стало можно покупать участки, началась настоящая «марсианская лихорадка». Рынок стремительно взлетел — кто-то назвал это «красной золотой лихорадкой», другие сравнивали происходящее с голландской тюльпаноманией XVII века. За шесть месяцев цены выросли почти в десять раз. Однако большинство покупателей интересовались не покупкой участков под застройку. Они надеялись перепродать землю через несколько недель или месяцев и быстро заработать кучу денег. Даксон вошел на этот рынок довольно рано, когда земельные участки были еще дешевы, и купил несколько первоклассных участков для себя.

— Тогда почти все говорили мне, что я сумасшедший, — признался он Алексе сейчас, во вьетнамском ресторане, где их обволакивали соблазнительные ароматы лимонника и кокосового молока.

Пока они наслаждались основным блюдом — желтый карри с креветками для нее и острый красный карри, который, казалось, насыщал воздух электричеством, для него, — Даксон мысленно вернулся в прошлое. Мягкое шипение вока сливалось с громкими разговорами других посетителей ресторана.

После того как цены на землю выросли в пять раз, он стал скептически оценивать рыночную перспективу и продал половину своих пустующих участков на Марсе, призвав своих клиентов сделать то же самое. Алекса знала, что Даксон гордился тем, что заработал много денег в качестве «противоходного инвестора» — того, кто делает нечто противоположное тому, что делают все. Однако не начал ли он теперь сом-

неваться? Она взяла кусочек креветки, наслаждаясь восхитительным ароматом карри.

— Не думаешь ли ты, что продал слишком рано?

Теперь Алекса казалась Даксону довольной, похоже из-за того, что забыла об инциденте с Леной.

— Может, оно и так, — ответил он, откидываясь на стуле. — Но я действительно не доверяю хайпу. Иногда меня посещает чувство, будто каждый человек хочет купить что-нибудь на Марсе, и его собака тоже хочет купить что-нибудь на Марсе, и при этом я чувствую, что в течение следующих ста лет здесь будет построено не так уж много объектов. Однако в любом случае нельзя быть абсолютно правым в оценке временных параметров будущего. Более чем приличный результат можно получать, если удастся покупать где-то вблизи нижней точки рынка и продавать около верхней.

* * *

На следующий день, согласно расписанию занятий, Алекса должна была пойти на семинар по истории космических полетов в период 1970—2020 годов. Она была в восторге от этого курса, и к тому же на нее производил сильное впечатление Натаниэль Джоффе — профессор, который его вел. Казалось, он не только знал все, что относится к его специальности (в век общедоступности искусственного интеллекта и информации это было не так уж сложно). Он еще анализировал исторические события на основе весьма нетривиального подхода, ориентированного на будущее. Как знания, которыми мы располагаем сегодня, формируют наше будущее? И прежде всего как мы открываем то, что находится за пределами сегодняшних границ человеческого понимания? Джоффе был автором многих широко разошедшихся

книг. Свою миссию он видел в том, чтобы на примере космических полетов показать, что капитализм представляет собой величайшую экономическую систему из всех когда-либо изобретенных человечеством.

Он был одного возраста с Даксоном, и Алекса находила его довольно привлекательным. Он был высок, широкоплеч, с густыми темными волосами и глазами такой сияющей синевы, какой она ни у кого прежде не видела. Иногда ей казалось, что тоже нравится ему. Было такое впечатление, что он относится к ней не так, как к другим студентам. Его взгляд задерживался на ней, и в нем чувствовалось что-то особенное, она даже усматривала какой-то намек на флирт, нет, ничего определенного... Кроме того, близкие отношения между преподавателями и студентами были строго запрещены, ну и наконец, у нее был Даксон.

Она встречалась с Даксоном всего год. Они познакомились через ее подругу Джессику, когда Алексе было двадцать два. Джессика и Даксон были в отношениях, которые однажды закончились. И как-то Даксон увидел у Джессики Алексу. «Познакомь меня со своей прекрасной подругой», — сразу попросил он Джессику, для него все было ясно с первого мгновения. Однако первой мыслью Алексы было: он слишком старый. «Он мог бы быть моим отцом, — призналась она Джессике, и они обе рассмеялись. — Кроме того, это не мой тип. На самом деле мне не нравятся красавчики».

Даксон был высокого роста — почти метр девяносто, — несколько худощав, но атлетического сложения. Выразительное лицо, яркие пронизательные глаза. Густые каштановые волосы ухожены, непременно хорошая стрижка. Одежда, которую он носил, была неизменно элегантной, хотя и не всегда подходила ему по размеру. И он был таким беззаботным, что Алексе

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru